

**ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ:**

ДЕЛО
ВАРНАВИНСКОГО
МАНЬЯКА

ЗАВЕЩАНИЕ
МЯТЕЖНОГО
АВВАКУМА

РОКОВЫЕ
ЧИСЛА

ОХОТА НА ЦАРЯ

ХРОНИКИ СЫСКА

МОСКОВСКИЙ
АПОКАЛИПСИС

ВЫСТРЕЛ НА БОЛЬШОЙ
МОРСКОЙ

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

Выстрел
на Большой
Морской

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление *Петра Петрова*

Свечин, Николай.

С24 Выстрел на Большой Морской : роман / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Детектив Российской империи).

ISBN 978-5-04-238991-7

В Петербурге на одной из самых роскошных улиц – Большой Морской – покончил жизнь самоубийством бывший министр почт и телеграфов Лев Маков. С чего бы успешному, обласканному государем и двором министру стрелять себе в грудь, да еще под совершенно невероятным углом?

Статскому советнику столбовому дворянину Павлу Благово и его верному помощнику – красавцу, силачу и мастеру перевоплощений Алексею Лыкову предстоит потянуть опасные ниточки этого расследования и выйти на след антигосударственного заговора таинственной «Священной дружины», мечтающей стереть с лица земли не только Российскую империю, но и Европу...

«НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-238991-7 © Свечин Н., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

• 1 •

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ СМЕРТЬ

В пять часов утра 28 февраля 1883 года вице-директор Департамента полиции Благово был разбужен курьером. Выйдя заспанным, в халате, он лаконично спросил прибывшего:

— Несчастье?

— Так точно, ваше высококородие, — вполголоса ответил курьер, отставной ефрейтор из желтых кирасир. — Бывший министр Маков наложил на себя руки. Господин директор департамента выехали к ним на квартиру. Велено и вам прибыть к сему месту; коляска ждет.

Отослав курьера к экипажу, Павел Афанасьевич принялся торопливо одеваться. Эх, Маков, Маков... Он вспомнил свое первое знакомство с ним восемь лет назад, закончившееся ссорой. Благово в чине коллежского асессора расследовал тогда в Нижнем Новгороде дело о конокрадстве в гигантских размерах. Лев Саввич был уже тайным советником, директором особенной канцелярии при министре внутренних дел Тимашеве, и фактически заправлял всем министерством. В семьдесят вось-

мом он сменил Тимашева, в восьмидесятом, во времена «диктатуры сердца» Лорис-Меликова, был переведен в главные почтмейстеры. Всесильная княгиня Юрьевская, любовница, а затем и жена императора Александра Второго, благоволила Макову. Когда Лорис занял его место в МВД, специально для Льва Саввича придумали новый пост — Министерство почт и телеграфов. В этом качестве ловкий царедворец вновь выдвинулся. В его руках оказалась перлюстрация всей почты империи! Маков возил каждое утро Юрьевской выписки из чужих писем, часто нелицеприятные для императора. Вдвоем они их подправляли в выгодном для княгини смысле, и затем она показывала эти строки стареющему государю. Со всем одуревший от любви к последней своей пассии, Александр Николаевич был уже как воск в ее руках. Он немилосердно карал всех, кто был неуютен княгине, и перлюстрированные письма многим отравили тогда жизнь... Но случилось 1 марта 1881 года. Великий реформатор и великий грешник был смертельно ранен бомбой на Екатерининском канале. Новый государь Александр Третий уже через месяц выгнал ретивого почтмейстера в отставку. После этого у Макова начались неприятности. Ревизия выявила большое хищение по канцелярии МВД в бытность его министром. Называли вполголоса фантастическую сумму — недоставало 400 000 рублей! Последнее время опальный сановник, всеми забытый и презираемый, сидел дома и ожидал ареста. И вот... Надо полагать, не выдержали нервы.

В начале седьмого часа Благово прибыл на квартиру Макова. Бывший министр продолжал жить на казенной

квартире, в доме МВД на Большой Морской, 61. Эффектное трехэтажное здание в стиле итальянского ренессанса, построенное Кавосом, выходило главным фасадом на Мойку. Самый аристократический квартал в столице; неудивительно, что покойнику не хотелось отсюда съезжать. Странно лишь, что его не торопили с выездом...

Роскошная квартира министра находилась на втором этаже, рядом с зимним садом. Благово обнаружил Макова лежащим в кабинете, подле камина, в луже уже остывшей крови. Одет он был в домашний халат из полубархата, с кистями. На груди против сердца чернело входное отверстие от пули, в правой руке зажат обшарпанный армейский «смит-вессон». Лицо искажено гримасой боли и предсмертного ужаса.

— Типическая картина самоубийства, — раздался за спиной Благово знакомый голос его начальника. Директор Департамента государственной полиции фон Плеве, стройный, подтянутый, с серьезным строгим лицом и умными глазами, прошел на середину кабинета.

— Не находите, Павел Афанасьевич? Совсем типическая. Оформите протокол совместно с градоначальником и копию до обеда мне на стол.

— Расследования разве не будет, Владимир Константинович?

— А чего тут расследовать? — искренне удивился Плеве. — Проворовался, попался — и стрельнул себя. Очевиднее не бывает!

— Маков был левша, а револьвер держит в правой руке. И потом, взгляните на его халат. Ничего не замечаете?

Плеве осторожно опустил на колени, стараясь не запачкаться кровью, и с минуту внимательно рассматривал одежду покойника. Потом поднялся, посмотрел на Благово недоуменно и немного раздражительно.

— Что же я должен был заметить, Павел Афанасьевич? По мне, так все обыденно. Не темните! Что вас насторожило?

— Пола халата не оплавлена близким выстрелом, и на ней совершенно отсутствует пороховой нагар. Посмотрим теперь, что на коже.

Благово отдернул полу халата и ворот батистовой рубахи и удовлетворенно крикнул.

— Что там? — нетерпеливо спросил директор департамента.

— Конус пламени при выстреле, как известно, равен по своей протяженности длине ствола. У нас здесь «смит-вессон» образца 1871 года, так называемая модель номер один. Длина ствола у нее — восемь дюймов. Значит, при выстреле в упор или с этого расстояния ткань халата должна была загореться либо, как минимум, порыжеть. Отставить револьвер на такое расстояние самоубийца мог, но вот как быть с воздействием пороховых газов на кожу? На ней должен был бы остаться, как его называют судебные медики, пояс ожога. А вокруг него, вбитые под кожу силой выстрела, находились бы копоты и во множестве порошинки. Пояс ожога остается при выстреле с расстояния восемь десятых аршина¹! Здесь же мы наблюдаем чистое входное отверстие без всяких порошинок.

¹ 60 сантиметров.

Вывод: стреляли не в упор, а с расстояния примерно в аршин.

— Разве невозможно самому вытянуть так руку?

— На аршин? Только если бы он был чимпанзе. И потом, повторяю, Маков левша.

— Это-то вы откуда знаете?

— Когда я впервые познакомился с ним в семьдесят шестом году, то обратил на это внимание. Так делает всякий сыщик, автоматически.

Плеве замолчал, отошел к окну. Постоял там некоторое время, затем повернулся к своему вице-директору и сказал:

— Павел Афанасьевич. Я всегда признавал ваши превосходство и опытность в уголовно-сыских вопросах. Видимо, вы и сейчас правы. И если это убийство, выдаваемое за самоубийство, то следует немедленно сообщить об этом министру графу Толстому. А он, надо полагать, распорядится о следствии. Но, чтобы доложить его сиятельству определенно, ваших теперешних наблюдений пока недостаточно. Осмотрите тщательно кабинет и всю квартиру, расспросите домашних и прислугу, словом, начните розыск.

— Слушаюсь, Вячеслав Константинович.

Тут из шинельной послышались энергические шаги, и в комнату влетел товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Оржевский. Увидев распростертое на полу тело, он снял фуражку, перекрестился, потом, нагнувшись, внимательно рассмотрел труп Макова. Зыркнул на полицейских своими желтыми совиными глазами.

— Как ловко угодил, а? Нервишки сдали... Ну-с, быстренько составьте протокол и отдайте копию мне, я сам передам графу.

В качестве товарища министра Оржевский заведовал всей полицией империи и являлся поэтому непосредственным начальником Плеве. Вид Петр Васильевич имел задорный и несколько вызывательный, слыл в свете острословом и любил заводить себе недругов.

— Статский советник Благово имеет сомнения, — осторожно проговорил директор департамента.

— Какие еще тут могут быть сомнения? В чем? — изумился генерал-лейтенант.

— В том, что Маков сам себя застрелил.

— Да вы что?! — ахнул Оржевский. Осмотревшись, он сел верхом на ближайший стул, зажал под мышкой саблю и приказал: — Докладывайте.

Павел Афанасьевич сжато изложил свои соображения. Заведующий полицией наморщил лоб, помолчал несколько секунд, потом согласно кивнул:

— Точно! Этот дурень был левшой, сейчас и я это припоминаю. Что намерены делать, Вячеслав Константинович?

— Провести негласное расследование.

— Одобряю. Но только своими силами, без привлечения Грессера.

Генерал-лейтенант Грессер был новым петербургским градоначальником, только что назначенным. Оржевский уже успел поссориться с ним и старался теперь насолить ему при каждом удобном случае.

Пробыв в квартире Макова еще минут десять, начальство удалилось, и Благово остался один. Он начал с

осмотра помещения. Жена и трое детей покойного, потрясенные случившимся, сидели в обнимку в гостиной; двое младших плакали в голос. Оставив допрос вдовы на потом, сыщик прошел в спальню бывшего министра и сразу же обнаружил на разобранной постели лист синей сахарной бумаги, заляпанный воском. Понюхал — пахнет нашатырем!

— Что, покойный вчера лечился от простуды? — спросил он у сопровождавшего его по дому камердинера.

— Точно так, ваше высокородие. Второго дня барин захворали, так мы давеча капали им на грудь восковую свечку¹.

— Ага, значит, господин Маков собирался вылечить-ся, а не помирать?

Камердинер промолчал.

— А кстати, любезный, кого ты впускал к нему вчера вечером?

— Никого не впускал. Через парадное-то... К нам уж давно никто не ходит, с тех пор, как... А к черным дверям Лев Саввич наказали не подходить. В тии двери они сами впускали, а кого — то нам неведомо.

— И давно у вас эдак заведено?

— Еще когда их высокопревосходительство были министром внутренних дел. Сами понимаете: там пропасть всего секретного, чего нам, прислуге, знать не положено.

¹ Старый домашний способ лечения простуды: на растертую нашатырем грудь больному клали лист плотной, т. н. «сахарной» бумаги и топили на нее свечной воск. Кстати, очень хорошо помогало...

— И часто такое бывало?

— Дык раз-то в неделю завсегда.

— И ты никого никогда не видел из этих секретных посетителей?

— Упаси бог, ваше высокородие! Очень серчали. Прохора, что до меня служил, за то и рассчитали, что любопытство проявлял, рожу в коридор высовывал, когда не велено. Мы уж знаем: ежели барин такой приказ дали, сиди и не шелохнись. Надо им будет — звонком вызовут. Даже в ретирадное идти не смей!

— Эко у вас строго. Но ведь барин твой давно уже не министр!

— Ну и што? Когда они почтвами заведовали, так еще гуще началось; едва ль не через день! Как ево, правда, вчистую уволили, то прекратилось, а вчера, слышь, опять наказали. Я подумал: сызнава секретные дела начались; может, барина опять в службу возьмут? А то скучали очень да на нас серчали... А чево серчать-то? Я, што ли, ево рассчитал?

— А как жена Льва Саввича к этому относилась?

— Известно как: не нравились ей все эти секреты. Боялась, как бы чего дурного из них не вышло. Тайны какие-то, заговоры... А права оказалась барыня Софья Александровна — вот чем оно кончилось-то! Стрельнул барин себя, великий грех совершил; видать, в такое вляпался, прости господи, что деваться уж стало некуда. Опять, люди говорят, в хищения ево больших подозревали, об прежние годы. Правду бают, ваше высокородие?

— Правду... как тебя?

— Орестом зовут.

— Правду, Орест, тебе сказали. В министерстве ревизию сделали, недосчитались четырехсот тысяч рублей. Аккурат в те годы пропали, когда твой барин должность отправлял.

— Эх-ма... — горестно вздохнул камердинер. — Четыреста-сто тыщ... До чего жадность-то людей доводит; а потом жизни себя лишать. Экой грех! Как теперь бедная Софья Александровна с тремя детишками на руках жить-то будет? Младшему, Левушке, шести еще нет. А имения никакого барин не нажил. Пенсию-то хоть вдове дадут, ваше высокородие?

— Это государь решит. Скажи-ка мне лучше, Орест, почему так вышло, что ты выстрела не слышал?

— А я слышал, как уж сейчас соображаю. А тогда подумал: Яков — это наш кухонный мужик — печь в постирочной растопил. Ну, и трещали они сильно, дрова-то. Сырые шибко; кто только такие всучил? Так трещали, страсть! Будто кто из ружья палит. Ну, я и не подумал на что плохое. Был там один навроде щелчок, не в пример другим. Особливый какой-то. Вот я теперь и думаю, то был выстрел. А тогда решил — дрова...

— Когда ты слышал этот щелчок?

— Близо часа ночи. Точно не скажу — дремалось мне.

— А когда ты барина мертвым нашел? Ты ведь его нашел?

— Точно так, ваше высокородие, я. Напримерно после трех. Уснул было, а проснувшись, встал по малой нужде. Гляжу — а в кабинете-то лампа горит. Не положено! Я зашел задуть — и увидел... — Тут Орест всхлипнул. — Хороший был барин-то. Веселый... А теперь как они ста-

нут жить? С квартиры сгонют. Меня отставят, как пить дать. Вам, ваше высокородие, камердинер не нужен? Я ж самому министру прислуживал, обращение знаю!

— Я тебя запомню, Орест, что смогу, сделаю. Но сейчас не до того. Скажи лучше: почему ты подумал, что Лев Саввич сам застрелился?

— Так орудие-то у него в руке, рази вы не видите?

— Понятно. Что же он тогда от простуды лечился, если все одно помирать?

Камердинер задумался, потом сказал радостно, словно открытие сделал:

— Полагать надо, ваше высокородие, што до ночи у него еще надежда была, мол, обойдется. А кто-то к нему пришел и известие принес, што не обойдется. И не осталось надежи. Он и наложил. Сам на себя.

— Правдоподобно, — похвалил слугу Благово. — А где барин секретные бумаги держал?

— В кабинете, в несгораемом шкапу.

— А еще где?

Орест замолчал. Было видно, что он знает о тайнике, но не хочет говорить.

— Ладно. Веди меня дальше по квартире.

Они продолжили обход, и вскоре Павел Афанасьевич оказался в образной. Маленькая комната без окон, с решетчатой дверью, была вся увешана иконами. В четыре ряда они покрывали стены, в темноте тускло горело восемь или девять лампад. Пахло ладаном и деревянным маслом.

— Очень набожный был?

— И-и-и! Не то слово! Все посты блюл, а службу знал лучше батюшки. У нас, изволите ли знать, домовая цер-

ковь имеется; так барин там частенько-таки отца Амвросия подправляли. Особливо литургию Преждеосвященных Даров...

Благово тщательно осмотрел всю огромную квартиру в двенадцать комнат, потом поговорил с новоиспеченной вдовой. Софья Александровна Макова, урожденная Бороздина, оказалась грузной, почти уже утратившей былую привлекательность сорокапятилетней женщиной. И без того, видимо, недалекая, она совершенно потерялась от внезапного несчастья и ничего интересного сообщить сыщику не сумела. Трое детей были еще малы — старшей дочери едва минуло одиннадцать. Прислуга тоже отнекивалась; Орест оказался из них самым сообразительным и осведомленным. Выстрела никто не слышал, ночных гостей никто не видел.

Закончив с расспросами, Благово принялся за обыск маковского кабинета. Подошло уже время обеда, и Орест принес ему с кухни холодной телятины, калачей и чашку консомэ. Время от времени занятия сыщика прерывало появление посторонних. Так, около одиннадцати ввалилась целая толпа во главе с министром юстиции Набоковым. Пришел ненадолго государственный секретарь Половцов (покойный являлся членом Государственного совета), высокий, надменный. Осмотрел брезгливо тело — его увезли только к вечеру, написал и отдал курьеру записку для государя и удалился. Так же ненадолго заехали судебный следователь и полицмейстер первого отделения. Дольше всех проторчал статский советник Виноградов, исправляющий должность начальника петербургской сыскной полиции (Путилин второй год по

состоянию здоровья пребывал в отставке). Вместе с двумя агентами он по пятам ходил за Павлом Афанасьевичем и повторял все его действия. Благово так и подмывало спросить коллегу, что он думает об отсутствии копоти на платье трупа, но он удержался. Всегда полезно, когда следствие ведется параллельно кем-то еще: ум хорошо, а полтора лучше! Но подсказывать нельзя, иначе какое же здесь тогда соревнование? Сам Виноградов ничего на сей счет не говорил; было ясно, что версия самоубийства его устраивает. Он выгреб из несгораемого шкапа Макова все бумаги и, довольный, уехал. Благово наконец-то остался один, можно было приступить к поиску тайника.

Он нашел его почти сразу — сказалась опытность. У массивного письменного стола хозяина оказалась двойная задняя стенка. Осторожно выдвинув ее по специальным замаскированным полозьям, Павел Афанасьевич обнаружил за ней три письма. Почерки на всех трех были разные, и ни один из них не принадлежал самому Макову. Похоже, бывший министр почт и телеграфов не только вскрывал и переписывал чужую корреспонденцию, но в исключительных случаях и воровал ее.

Перлюстрация — одна из самых охраняемых тайн в империи, но Благово по роду службы знал о ней в деталях. Никогда оригиналы писем не изымались, а только копировались, после чего их запечатывали заново и отсылали адресату. Здесь же Маков решился на прямое хищение! Видимо, эти депеши представляли для него особый интерес.

Когда Благово просмотрел все три письма, он понял, насколько серьезным оказалось дело о возможном убий-

стве действительного тайного советника Льва Саввича Макова. Серьезным и даже опасным, и в первую очередь для него самого. Но деваться было уже некуда — следовало срочно доложить о находке Плеве.

• 2 •

ТРЕТЬЕ ПОВЕЛЕНИЕ

Вечером 28 февраля Благово сидел в кабинете директора Департамента полиции на Фонтанке, 16 и угрюмо молчал. Так же молчал и Плеве. Найденные Павлом Афанасьевичем письма лежали на столе; казалось, от них исходит какая-то недобрая сила.

— Да, — пробормотал наконец Плеве, — ну и гадюшник вы разворотили. Теперь у нас сразу три версии смерти Макова. И одна хуже другой...

Благово взял в руки лист голубоватой бумаги с императорской короной наверху, развернул его и прочитал еще раз. Это была записка великого князя Николая Николаевича Младшего, адресованная жене генерала Оржевского. Из нее явственно следовало, что парочка находилась в любовной связи. Заведывающий полицией именовался в записке старым козлом...

— Не понимаю! — воскликнул директор. — Великому князю двадцать семь лет, а ей уже сорок четыре. Что он в ней нашел?

— Ну, Наталья Ивановна дама все еще видная и при том весьма бойкая. Полагаю, это она окрутила нашего гу-

сара, а не он ее. Притом учтите: в Николае Николаевиче двенадцать вершков росту¹. Многим это нравится. К тому же георгиевский кавалер, полковник лейб-гвардии Гусарского полка, а главное, двоюродный брат государя. Есть чем увлечься увядающей женщине.

— Но он-то, он-то куда?

— У них это в обычае, — ответил вице-директор.

И Плеве, и Благово хорошо знали, сколь развращена императорская фамилия. Николай Николаевич Старший первый подал сыну пример: он уже много лет жил с бывшей балериной Числовой и имел от нее четверых детей. Жена его, великая княгиня Александра Петровна, не стесняясь никого, путалась в это же время с киевским викарием. Супруга младшего брата императора, Владимира Александровича, заразила мужа сифилисом! Она открыто изменяла ему со всеми по очереди адъютантами и, кстати, состояла в давней связи с тем же Николаем Николаевичем Младшим. Жена великого князя Михаила Николаевича, Ольга Федоровна, спала с воспитателем своих семерых детей генералом Петерсом, а ее муж прижил на стороне незаконную дочь от некоей девицы Серебряковой. Не отставал от родни и брат государя великий князь Алексей Александрович. Будучи холостым, он сильно увлекался балеринами и имел вдобавок сына от знаменитой своим цинизмом фрейлины Жуковской, дочери известного поэта.

— Ну, эта версия наименее вероятна, хотя и ее мы обязаны проверить до конца, — сказал Благово. — У нас ведь есть люди в окружении Николая?

¹ 197 см.

— Как не быть. Я распоряжусь, чтобы их прислали к вам для беседы. Согласен, это маловероятно, но нужно убедиться. А вот другое письмо...

Благово взял второй лист, и лицо его приняло безразличное выражение. Короткая записка была написана рукой Екатерины Михайловны Долгорукой, супруги покойного государя. Адресатом оказался германский посол генерал Швейниц. Юрьевская предлагала в этой записке купить у нее за пятьсот тысяч рублей секретный протокол о заключении между Россией и Францией оборонительного союза! Светлейшая княгиня сообщала, что ее супруг забыл документ в их спальне в день смерти, и она оставила его себе «на всякий случай».

— Я сегодня же повстречаюсь с графом Ламздорфом¹ и выясню, насколько это серьезно, — пообещал Благово и добавил ехидно: — Не удивлюсь, если наши дипломаты не заметили пропажи столь важной бумаги.

— И, наконец, третья версия, — Плеве подтолкнул своему вице-директору неопрятный листок гостиничной почтовой бумаги, исписанный мелким писарским почерком. — Что скажете на сей предмет?

Это было письмо некоего Рупейто-Дубяго Павлу Демидову, князю Сан-Донато. Один из богатейших людей России, князь профессионально бил баклуши, не будучи занят на государственной службе. Корреспондент именовал его «братом второй степени» (?) и просил разрешения «тряхнуть тут, в Москве, одного рогож-

¹ Натот момент — директор Канцелярии МИД.

ца¹, что дружит с террористами, а деньги сдать в кассу Дружины». Помимо самого разрешения на акцию, автор письма требовал прикрытия от московской полиции, причем в весьма развязном тоне.

— «Брат второй степени». Хгм... Вячеслав Константинович, это что, пресловутая «Священная дружина»?

— Увы, она самая.

— Как мог Пашка Демидов занимать там начальственную должность? Он же глуп как бревно. Кто ему доверил?

Плеве молчал.

— А еще говорят, у них Бобби Шувалов ходил в штаб-офицерах?

— От нашего министерства дружину курировал Оржевский. Полагаю, он и даст вам все необходимые разъяснения, — сухо ответил директор.

Благово, как человек очень осведомленный, знал, что в 1881 году было создано добровольное тайное общество по защите особы государя. Инициатором выступил личный друг Александра Третьего граф Воронцов-Дашков, нынешний министр двора. В общество, названное «Священной дружиной», вошло несколько сот человек, преимущественно служилое чиновничество и военные. Время тогда было смутное, силы террористов преувеличивались, и за жизнь помазанника Божия всерьез опасались. В таких условиях в дружину вступило немало порядочных людей, разуверившихся в законных способах борьбы с крामолой. Павлу Афанасьевичу тоже пред-

¹ Рогожец — старообрядец австрийского согласия (центр толка находился на Рогожском кладбище в Москве).